

БУДНИ

Денис ЯНЧЕНКО,
кандидат исторических наук

КАК СТОЛЫПИН В ДУМЕ ДЕНЬГИ СЧИТАЛ

Обсуждение и утверждение бюджета в нижней палате было одной из сложных задач, каждый год встававших перед правительством России. 16 ноября 1907 года Пётр Аркадьевич Столыпин заявил депутатам: «Подсчёт средств, которыми располагает государство, является работой не только основной, но и самой срочной. Вам придётся... неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесённой... государственной росписи и при этом считаться... с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита»¹.

Проблема была в том, что нижняя палата имела ограниченные права по принятию бюджета, а их пересмотр в сторону расширения требовал изменения Основных законов 1906 года, по отношению к которым Дума не имела права инициативы. Думцы протестовали против этого ущемления их прерогатив и всячески пытались их обойти. Вопрос о расширении бюджетных прав нижней палаты смог на время объединить большинство депутатов и создать сильный конституционный центр. Но без поддержки правительства в Государственном совете проект был обречён на провал. Столыпин назвал законопроект о реформе Правил 8 марта 1906 года «попыткой меньшинства втравить большинство в чисто оппозиционную затею, имеющей своей задачей затруднить деятельность правительства»².

Противостояние кадетской фракции правительству Столыпина и ему лично в вопросах финансов и бюджета началось почти сразу же с созывом Думы. В первой сессии кадеты голосовали против кредитов на землеустройство, то есть столыпинской аграрной реформы. Со второй сессии кадетская фракция систематически голосовала против сметы МВД по общей части, регулярно заявляя, что «произвол властей, запрещение самодеятельности населения, беззаконие во внутреннем управлении губят страну»³. В феврале 1909 года внесённая кадетами формула перехода по смете включала фразу об ответствен-

ности правительства за «роковой исход его антинациональной и антипатриотической политики»⁴. Как пренебрежительно высказался А. И. Шингарёв на совместном заседании представителей фракции и провинциальных групп кадетской партии в октябре 1908-го, «совершенно невоспитанное в политическом отношении думское большинство при виде яркой картины страшного расстройтва государственного хозяйства невольно должно прийти к заключению, что бюрократический строй приведёт страну если не к полной финансовой гибели, то, во всяком случае, к целому ряду страшных потрясений»⁵.

Бюрократия с трудом привыкала к необходимости считаться с Думой. Правительственные чиновники воспринимали несоответствовавшие закону, но неудобные по политическим соображениям действия как вторжение в заповедную область. Как известно, отказ весной 1908 года в ассигнованиях на строительство броненосного флота, на что Дума имела право, Столыпин назвал «бессознательным переходом к парламентаризму путём прецедентов»⁶. В отношении расходов на оборону 3 марта 1908-го Пётр Аркадьевич заявил депутатам, что «правительство в финансовом смысле будет делиться с законодательными учреждениями плодами своей работы, но детальный план и стратегическое его исполнение в законодательное учреждение допущены быть не могут, ибо это результат решения и воли одного лица — государя императора»⁷.

В России существовала категория чрезвычайных актов временного характера по 87-й статье Основных законов, а в бюджетной сфере — по 17-й статье Правил 8 марта 1906 года. В результате из ведомств в Думу поступало чрезвычайно много незначительных финансовых дел, и депутаты не всегда могли выделить приоритеты. Правительство Столыпина умело пользовалось этой ситуацией. В так называемую «законодательную вермишель» можно было смело отнести несущественные суммы, которые раньше проходили условным кредитом или

утверждались высочайшим повелением, но в III Думе обсуждались и комиссиями, и общим собранием палаты.

В области проверки исполнения бюджета правительство успешно боролось с попытками законодательных учреждений контролировать расходы. Третья Дума так и не смогла проверить отчёты Государственного контроля за 1906 и 1907 годы. Предоставление всех запрашиваемых документов не сделалось общим правилом. Несмотря на многократные и настойчивые пожелания большинства депутатов, Государственный контроль не был реформирован. Все комиссии по исполнению росписи наталкивались на неполные ответы или решительный отказ в сведениях, со ссылкой на письмо Столыпина на имя секретаря Думы от 28 января 1909 года. Ни одного независимого аудита провести не удалось. Что касается самих всеподданнейших отчётов Государственного контроля, то, как разъяснил Столыпин депутатам, эти отчёты вообще «имеют характер личных докладов министра Его Императорскому Величеству и, как таковые, считаются неподлежащими оглашению»⁸.

Подобные разъяснения блокировали ревизионную работу думских комиссий. В результате в 1912 году, уже после смерти Петра Аркадьевича, докладчики комиссии отмечали, что при нём не все ведомства составляли отчёты по финансовой и хозяйственной деятельности, и печатание этих отчётов, «сравнительно с выходом в свет отчёта Государственного контроля, запаздывает»⁹. С. Ю. Витте писал: «Практика Третьей Думы показала, что рассмотрение Думою отчёта Государственного контроля есть простая формальность». Правительство «где хочет, отмалчивается, а Государственная дума, отчасти по неопытности, а главнейшее по угодничеству, на серьёзном анализе отчёта не настаивает»¹⁰. Такая практика устраивала Столыпина для проведения им собственной финансовой политики, но расходилась с интересами развития русского парламентаризма.

г. Санкт-Петербург

Примечания

1. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М. 1991. С. 102.
2. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Париж. 1933. С. 294.

3. Что делала и что сделала третья Государственная дума (с точки зрения кадетов). СПб. 1912. С. 39–40.
4. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчёт. Сессия вторая. Ч. 2. Заседания 36–70. СПб. 1908–1909. Стлб. 2398.
5. Съезды и конференции

конституционно-демократической партии. Т. 2. 1908–1914 гг. М. 2000. С. 50.
6. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л. 1984. С. 455.
7. Столыпин П. А. Указ. соч. С. 113.
8. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия 3. 1909–1910 г. СПб. 1910. С. 15.

9. Приложения к стенографическим отчётам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. Т. 3. Доклад № 431. СПб. 1910–1911. С. 5.
10. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: Рассказы в стенографической записи. Т. 2. СПб. 2003. С. 460.